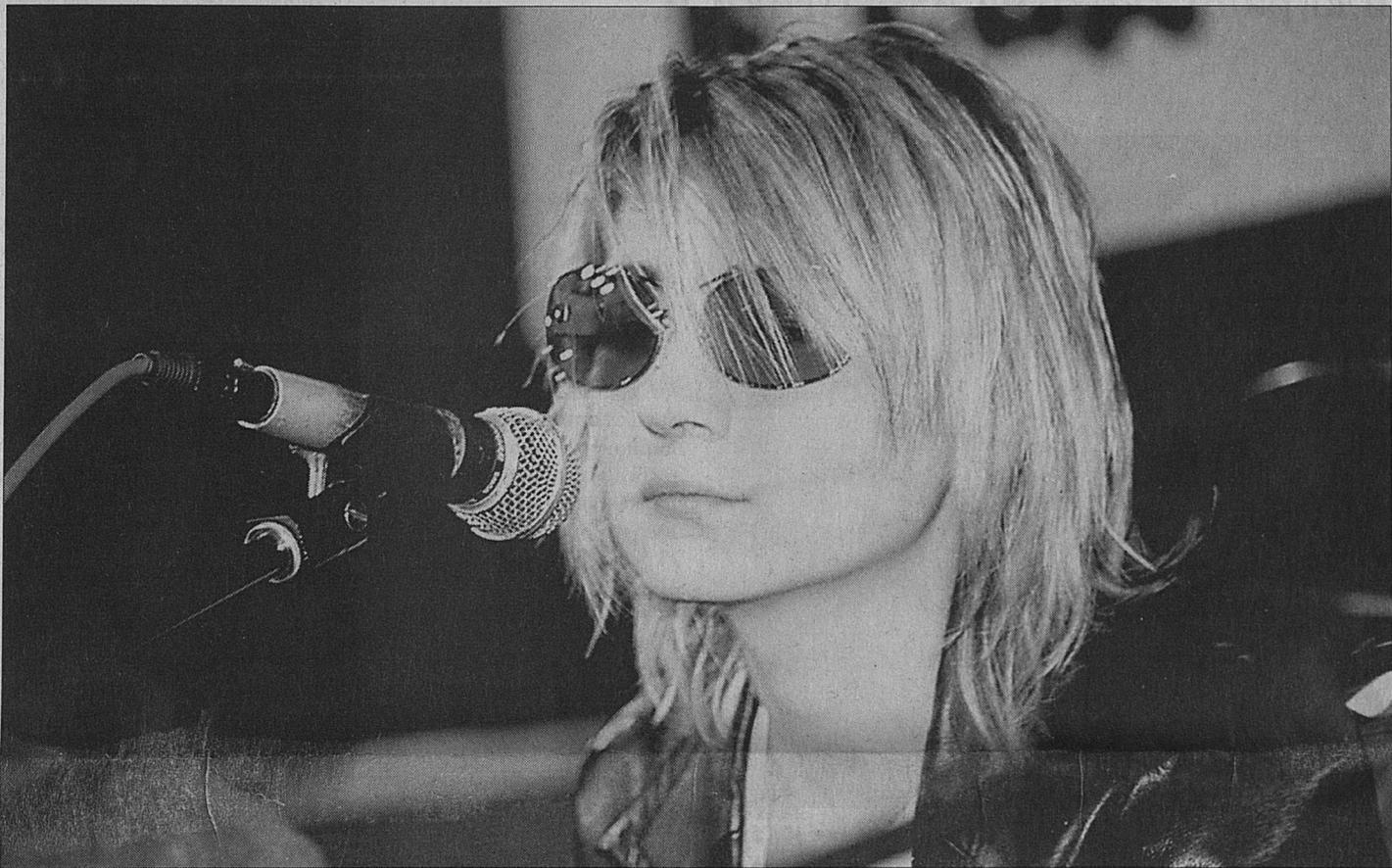

ВЫКИДЫШ

Вообще-то новый проект Земфиры вышел в срок, но тем не менее стал неожиданностью

Тем, кто не подозревал, что наша Шерил Кроу окажется нашей Селин Дион, Земфира преподнесла большой сюрприз.

Фото Надежды Лебедевой

Алексей Крижевский

За Земфирой с самого начала закрепляли статус *enfant terrible* – еще с момента, когда команда, раскрутившая «Мумий-тролля», отыскала ее в Уфе (впрочем, не где-нибудь, а в местном отделении радиостанции «Европа плюс», которую отличница местного музучилища рассматривала во многом как плацдарм для роста) и привезла в столицы записываться и выпускаться. Таковой она и была – в разговорах с журналистами, в тщательно спланированных фотосессиях, в песнях с первого альбома, услышав которые большинство сдавалось без боя и упрёка. Так оно и продолжалось – когда возникали мелкие скандалчики, сопровождавшие развитие ее карьеры и – удивительно – почти никак на нее, карьеру, не влиявшие. Земфира долго будет любезна народу в основном тем, что, став «номером один» в привязанной к низкопробной попсе и рок-эпигонству стране, она в этом качестве с самого начала была не пустым местом.

Периоды ожидания новостей от Земфиры всякий раз были устроены по-разному. Упоенные бесшабашной новизной и клочущей эмоциональной энергией первого альбома, второго ждали с красными от нетерпения лицами: ну, как теперь будет чудить «девочка-скандал»? Оказалось, что чудить не будет, а будет готовить новые лекала, образцы для подражания. Второй альбом стал едва ли не мериллом пресловутого формата – святая простота «Сигарет», скучная уже на втором прослушивании «Хочешь», ералашная «Созрела». Ее нового, вышедшего на днях альбома «14 недель тишины» ждали с поправкой на якутскую трагедию и более чем годовой творческий отпуск – дескать, после всего этого сейчас-то наше дарование взорвется чем-нибудь невероятным. И снова просчитались.

Удивиться, впрочем, как раз пришлось: ощущение биения трепещущего сердца куда-то делось из музыки начисто, оставшись всего в двух-трех напоминающих о славном прошлом

взбрыках земфиринового голоса – из тех, что некогда так трогали общественное сердце и поднимали ее на недосягаемую для любых сомнений высоту.

Вместо него теперь – взболтанный в лондонских студиях модными золотыми руками Андрея Самсонова (при участии гитары Юрия Цалера и барабанщика Олега Пунгина из «Мумий-тролля») коктейль из детского, малолетского гитарного фанка и взрослого (для тех, кому за ...), почти фонового джаз-рока. В смеси есть вкрапления чистейшего, сопливого попса в какой-то неестественной песне про «девочку, живущую в Сети», ностальгии по уфимскому детству в песне «Шалфей» и брит-попа в песне «Главное». Плюс два энергонесущих, самых эмоциональных радиохита – драматичный «Трафик» и призадумчивая «Бесконечность». Все остальное не запоминается – либо невыразительные мелодии, либо вымученный текст.

Наиболее часто повторяющееся слово вокруг и по поводу – взростление, но едва ли оно адек-

ватно. Отчего-то считалось, что результатом намекающего на некий катарсис временного периода, ставшего названием альбома, должен быть прорыв в горные выси большого искусства. Засунув подальше нескромное обаяние своей провинциальности, Земфира Рамазанова, напротив, просто перешла в другую весовую категорию, и шаг это для нее естественный. Теперь она соревнуется с «большими» на их территории, используя для этого все, чем богата, – голос, яростную подачу, сценическую энергетiku. И все это вполне сможет служить ей форой. А скандалы, письмо президенту Путину с мольбой о помощи в борьбе с пиратами и – вот она, обоюдоострая дубина – аресты якобы пиратских тиражей (а именно этими событиями ознаменовалась неделя выхода альбома в свет) это лишь частности, которыми приходится расплачиваться за статус национального достояния. Едва ли он будет оставаться таковым дальше – икона самостоятельно перешла в другую музыкальную веру. ■